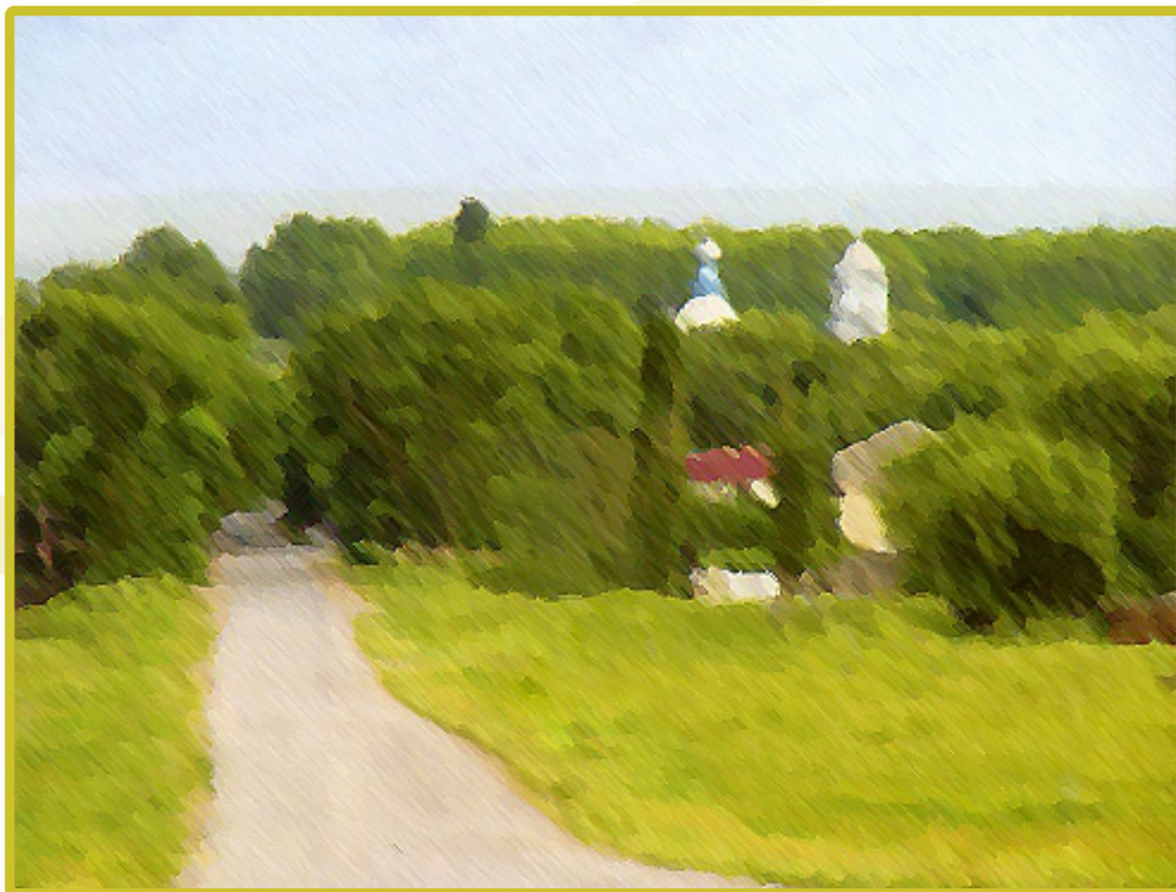


●
Катков Анатолий Иванович
Каткова (Калайда) Мария Даниловна



Рождественские
зори

Анатолий Катков

Рождественские зори

2018

УДК 82-32
ББК 84(2)

Катков А. И.

Рождественские зори / А. И. Катков — 2018

ISBN 978-5-907078-37-6

«Рождественские зори» – продолжение биографического романа Анатолия Ивановича Каткова «И соль и хлеб». Это книга о нелегких буднях простой семьи, имеющей крестьянские корни. Вернувшись в родную станицу спустя много лет, герои заново ищут себя, налаживают быт, вступают в сложные взаимоотношения с односельчанами – и все это для того, чтобы самим себе ответить на вопрос о том, что в жизни по-настоящему важно. Авторы Анатолий Катков и Мария Каткова (Калайда) через призму собственной жизни вспоминают времена заката СССР. История, рассказанная с позиции простых тружеников села, а не с научной или политической точки зрения, привлечет внимание тех, кто интересуется последними годами существования Советского Союза. Проникнутая искренней любовью к родным местам, повесть придется по душе и тем, кто умеет чувствовать поэзию в каждом прожитом мгновении, кто способен ценить истинную любовь и дружбу, кто превыше всего ставит честь, совесть и чувство собственного достоинства.

УДК 82-32
ББК 84(2)

ISBN 978-5-907078-37-6

© Катков А. И., 2018

Анатолий Иванович Катков, Мария Даниловна Каткова Рождественские зори

© Катков А.И., Каткова (Калайда) М. Д., 2018

© Издательский центр «Логос», 2018

* * *

*Как люблю я родную станцию!
Как люблю все её уголки!
Вдаль уеду – она мне приснится:
Лес, поляны, луга, озёрки!
Небольшая частичка России,
Как росинка в стакане воды,
Я люблю тебя, край мой любимый,
Край казачий, за мир и сады!*

Рождественские зори

Всё реже тайга, и всё дальше отодвигается она от вагона, уже не кажется, что зелёные лапы елей вот-вот ударят по вагону. Кое-где стали попадаться избушки, в одном месте промелькнул целый дачный посёлок. Значит, скоро будет Нижний Тагил; только подумал – и, как в подтверждение моей мысли, по радио объявили: «Уважаемые пассажиры, наш поезд Приобье – Свердловск прибывает на станцию Нижний Тагил. Нижний Тагил – промышленный центр Свердловской области и второй город после Свердловска по численности населения. Датой основания города считается 8 октября 1722 года, когда на Выйском заводе была получена первая выплавка чугуна».

– Пап, пойдём к выходу, а то поезд недолго стоит.

На выход из вагона создалась очередь. Я окинул взглядом своих: все ли в сборе. Лена впереди, за ней Юра, за ним Серёжа, потом Маша и я. Так приятно ёкнуло сердце: моя семья на полвагона. И тут же больно сжалось: оставляю я своих ненаглядных здесь, в незнакомых краях, в чужом городе. Как у них сложится, как получится, устоят ли перед соблазнами, что предлагает молодёжная среда. Не свихнутся ли от свободы, бесконтрольности. Впервые промелькнула мысль: а не забрать ли их на Ставрополье, что там, нет такого техникума или пединститута?



Вокзал Нижнего Тагила

Стоя на ступеньках вокзала, можно было увидеть просторную привокзальную площадь и широкую улицу, уходящую в глубь города. Я обнял за плечи Лену и Серёжу:

– Ну вот, дети, это первая остановка в вашей жизни. Если вы всё правильно выстроите и никому не позволите сбить вас с намеченного пути, значит, надо считать, что это счастливая остановка. Но всё зависит только от вас самих. Как говорил Аркадий Степанович Крупняков, нет ни плохих людей, ни плохих обстоятельств, есть человек, который создаёт их в своей голове. Я понятно говорю?

– Да, пап.

– Вот и молодцы. А сейчас поедem искать пристанище.

Гостиница «Северный Урал» в центре города ненадолго стала нашим домом.

Вспомнили с Машенькой, что 3 сентября 1965 года мы познакомились и в этом году, менее чем через месяц, исполняется двадцать лет со дня нашего знакомства. Боже, как летит время.

Пошли в магазин «Малахит» и впервые купили обручальные кольца для себя, а как подарок для любимой я купил ожерелье из крупного янтаря – это был такой дефицит, а здесь в свободной продаже. Правда, дорого – 170 рублей, но женщин надо баловать, а то они начнут баловаться сами.

Я каждый день ходил с Серёжей в техникум, уж очень я за него переживал. За техникумом находился хороший сквер, в котором была композиция на космическую тему: земной шар из бетона, на стальной пластине, имитирующей след спутника, изображен спутник. Она напоминает, в какой век мы живём. Красивая композиция, и я в ожидании Серёжи всегда садился напротив нее.

Однажды я пришёл в сквер, а на лавочке уже сидел мужчина, как мне показалось, весьма преклонного возраста, но опрятно одетый, выбритый, ухоженный на вид, что-то в нём выдавало человека-интеллектуала. «С таким и пообщаться не зазорно», – подумал я.

– А вы не местный, – молодым голосом сказал незнакомец.

– Я же слова не сказал. Что, так заметно?

– Да, уважаемый. Для наблюдательного человека очень заметно. И по одежде, и по поведению, и даже по тому, как вы закуриваете сигарету.

– Интересно. И с каких же я краёв буду, по вашему мнению?

– С южных. Вы не наш, не уральский и не северянин. Вы определённо с южных краёв.

– Не ошибаетесь?

– Я более пятидесяти лет работал в университете, как понимаете, с молодыми людьми, студентами. За это время я привык определять человека не только по разговорной речи, что намного проще, но и по поведению, одежде, по манере вытирать нос, лицо, прикуривать. Так сказать, по вторичным признакам поведения.

– Сейчас на пенсии?

– Да, на пенсии по всем статьям. На пенсию проводили – заметьте, не ушёл, а проводили. Жена умерла, вот сын и предложил переехать к нему, чтобы со скуки не умереть. А вам чем приглянулся этот сквер? Я вчера приходил, вы сидели здесь, я не стал вас беспокоить.

– Нравится вот эта космическая композиция, люблю здесь помечтать.

– Это хорошо, когда у человека есть такое место, где он может помечтать. Я студентов учил иметь такой хороший обычай – начинать и заканчивать день с созерцания красоты. Найдите, – говорил я, – ощутите красоту вокруг себя... Красоту дыхания, красоту звуков вокруг. Красоту в мыслях. Красоту природы. Красоту в людях. Красоту жизни. Красоту бытия. Даа, это очень хороший обычай. Вы лирик по натуре, позволю себе заметить.

– Спасибо. Как вас зовут?

– Вадим Аркадьевич. Знаете, почему это скульптура здесь?

– Нет.

– Не в этом сквере, а вообще в Нижнем Тагиле?

– Наверное, потому, что красиво и в духе времени.

– А вот тут вы не правы. Нет ничего, что сделано из металла, к чему не причастен был бы Нижний Тагил.

– Выходит, что спутник сделан из металла...

– Нет, не на сто процентов, но на львиную долю – да. Потому что отсюда пошла «Русь железная». До освоения Урала металл Россия закупала за границей. Вы вообще любите историю?

– Да. Особенно тех мест, где бываю. В поезде начали рассказывать...

– Я вам расскажу, ибо что могут рассказать в поезде? Так, галопом по Европам. Вам знакома фамилия Демидов?

– Да, слышан.

– Так вот, никакой это не Демидов. Настоящая его фамилия – Алтуфьев, да-да, Никита Демидович Алтуфьев. Случилось это в царствование Петра I. По одной легенде, во время проезда через Тулу какого-то столичного вельможи кузнец Алтуфьев исправил ему сломавшийся пистолет популярнейшего в Европе оружейного мастера, а также сделал ещё один такой же, ни в чём не уступавший оригиналу. Это стало известно Петру I, который приказал привести к себе тульского оружейника. О чём говорили на первой встрече царь и Никита Алтуфьев, сведений не сохранилось, однако известно, что вскоре после этого Никита привёз в Москву партию отлично сделанных ружей в количестве шести штук, назначив за них плату по 1 рублю 80 копеек за штуку, в то время как за границей за такие же ружья платили по 15 рублей.

Дело это произошло в разгар шведской войны. Безусловно, царь обрадовался тому, что отыскался на родине такой искусный и предприимчивый мастер. Не откладывая дело в долгий ящик, Пётр Великий тут же распорядился выделить Никите Алтуфьеву в Малиновой Засеке, что в двенадцати верстах от Тулы, несколько десятин земли для жжения угля и добычи железной руды. По свидетельствам, при расставании царь подарил кузнецу 100 рублей, сказав: «Демидыч, старайся распространить свою фабрику, а уж я не оставлю тебя».

Фабрики он свои расширил и получил дополнительно стрелецкие земли, но вблизи Тулы не было руды высокого качества. Как раз в это время в Москву привезли руду с Урала. Царь велел отдать эту руду Алтуфьеву для испытания. Руда оказалась высочайшего качества, и потянул промышленника пустынный и нетронутый Уральский хребет со своими сказочными залежами руд.

Как он убедил царя – неизвестно, но грамотой от 4 марта 1702 года Верхотурские и Невьянские заводы на Нейве и Тагиле с гигантскими территориями земель и лесов были отданы Никите Алтуфьеву.

С 1720 года Алтуфьевы – дворяне, и с тех пор они стали именоваться Демидовыми. Демидовы стали основателями многих уральских городов, открыли более 50 заводов и выплавляли почти 50 % металла в России. Они внесли неоценимый вклад в освоение и развитие уральской земли. В Нижнем Тагиле до сих пор работает старый демидовский завод. Ему более 260 лет, а он все работает.

С XVIII века тагильский металл под маркой «Старый соболь» стал экспортироваться в Европу, затем в Америку. Его покупала даже Англия – признанный многовековой монополист в области металлургии.

Вы не поверите, но «Статуя свободы», которая в Америке, сделана из нашего металла. Нет, она изготовлена во Франции и передана Америке, но металл наш, тагильский. Это исторически доказано, потому что металл имел клеймо заводов Демидовых «Старый соболь». Не утомил я вас?

– Нет, спасибо, прекрасный экскурс в историю.

– О-о-о, это ещё не всё. Где изобретён велосипед, первая в России паровая машина, токарные, сверлильные, строгальные и гвоздильные станки? Всё это изобретено российскими умельцами, а Демидовыми воплощено в жизнь, в производство. Вот что такое Урал для России.

– Спасибо вам большое, я так много узнал.

– А вы ходите по городу, сходите в музей, на городскую выставку. Город не хранит в тайне своё прекрасное прошлое. Удачи вам.

– Спасибо, а вам здоровья.

Гуляя по городу, мы забрели на улицу Трудовую, где находился красивый Свято-Троицкий Кафедральный собор. Вошли, посмотрели прекрасное убранство храма, послушали службу, и на выходе я купил маленький молитвослов «Молитвы о детях». Мне очень понравилась молитва о сыне в стихотворной форме. Это как раз о Серёже, которого мы оставляем здесь.

*Молю тебя, о милосердный Боже!
Прости мне прегрешения мои.
Нет ничего мне ближе и дороже
Твоей всепоглощающей любви.
Не за себя прошу – молю о сыне:
Пошли ему достаток и покой,
Пусть станет настоящим он мужчиной,
Когда войдёт в законный возраст свой.
Спаси его от зависти и злобы,
За неразумность строго не карай.
И в этом мире, грешном и суровом,
Заботою своей не покидай.*

Показал Маше стихотворение-молитву. Она взяла молитвослов, полистала и через какое-то время сказала:

– Катков, на тебя это не похоже. Нашёл про сына, а вот вообще о детях – не дошёл. Слушай:

*Господи, храни моих детей
От недобрых и от злых людей!
От болезней всяких сохрани,
Пусть растут здоровыми они!
Господи, любовь им дай познать,
Испытать, что значит слово «Мать»,
Счастья их отцовства не лиши,
Награди их простотой души.
Жизнь людская – далеко не рай,
Господи, терпения им дай!
Не споткнуться в жизни помоги,
Пусть не одолеют их враги!
Жизнь сложна порою, но мудра,
Ты не пожалей для них добра,
Их судьбы пусть длинной будет нить,
Господи, не дай их пережить.*

Вот, кажется и решены все наши вопросы в этом замечательном городе. Серёжа поступил в техникум советской торговли на факультет «Технология общественного питания», это как раз то, куда мы и стремились. Лена сдала документы в нижнетагильский пединститут. На память сделали семейное фото, и, глядя на фотографию, я сочинил вот такие строки:



*Спасибо, Господи, за каждый миг,
В который рядом мои дети!*

*И я прошу: Ты их храни,
Они дороже всех на свете.
Лишь рядом с ними жизнь важна,
Без них она не стоит и гроша.*

Вот теперь можно и в дорогу, на историческую Родину отца, в станицу Рождественскую. Но вначале нам надо заехать в Крым. Там товарищ, который купил у меня машину, до настоящего времени не рассчитался со мной, только задаток 200 рублей дал – и всё.

Вот и Симферополь. Боже, как тут всё знакомо и мило, сколько раз меня любимая провожала в командировки, на учёбу в Одессу, Киев. Каждый уголок мне знаком, как собственная квартира, а теперь это всё чужое? Нет, хотелось кричать – НЕЕТ!!!!

Дорога до Белогорска также вызывала во мне боль – боль утраты чего-то большого, дорогого, родного, чего я больше никогда и нигде не найду. Рассказал Маше.

– Да, Толя, я тоже так переживаю. Причин этому много. Здесь родились наши дети, здесь они пошли в школу, да, считай, и выросли здесь. Здесь мы впервые стали обладателями собственного дома. Мы с тобой здесь состоялись. Окончили вечернюю школу, потом техникум, а ты ещё и институт. Прошёл путь от сержанта до начальника службы. Я на молокозаводе поднялась от мойщицы машин до мастера смены. Это же не просто отрезок времени, хотя и это важно, а наши труды, наши успехи. И вот теперь ни за что ни про что нас просто вышвырнули из нашего жизненного пространства. Помимо всего прочего, у нас здесь знакомые, друзья, кумовья, любимые места, короче, здесь всё то, что называют жизнью в самом широком смысле. Так что ты прав.

И снова мы у Бахматовых, слава Богу, что есть такие люди, к которым можно вот так, без спроса, приехать – и примут как родных.

Вечером после ужина пошли мы с Машей прогуляться. Вышли на улицу Шевченко, прошли до детского сада, сели на скамейку у забора, Маша приобняла меня за талию. Склонила голову на моё плечо и тихо заплакала.

– Что за слёзы, девочка?

– Давай здесь останемся.

– Эх, если бы это было возможно. Я тебе прочту стихи, ты меня поймёшь, я знаю.

*Благослови меня, благослови,
Перекрести на дальнюю дорогу,
Ведь впереди у нас так много
Дней нашей трудной и святой любви.
А я к твоим коленям припаду,
Прикосновеньем губ скажу о главном,
О пройденном, о будущем – подавно,
И за собой безмолвно поведу.
Нам будут не нужны уже слова,
Ведь мы сказали всё за эти годы,
И звуки их, порой таких бесплодных,
Прошелестят, как павшая листва.
И поздней осени задумчивая грусть,
В которой сохранилась человечность,
Из жизни изгнанная так беспечно,
Махнёт рукой и тихо скажет: «Пусть!»
И нашей трудной и святой любви
Ночей и дней пусть нам дано немного –*

*Благослови меня, благослови,
А я тебя перекрещу в дорогу.*

– Нашей трудной и святой любви... Как ты прав. Веди меня, я согласна.

– Машенька, улыбнись. Грустное лицо не для тебя.

На следующий день я отправился в село Ароматное: там жил мой покупатель машины. Денег у него не оказалось, и мне пришлось забрать свои старенькие «Жигули». Уже к концу дня я поехал в автобусный парк подремонтировать сиденье в автомобиле и встретил Григория Стащен-ко, офицера КГБ, который рассказал мне страшную тайну: бежать мне надо отсюда и не появляться в Крыму лет пять как минимум. Григорий рассказал, что для меня приготовили. Я знал, что подобные случаи, когда неугодных убирали таким способом, у нас бывали. Поэтому, не раздумывая, быстро вернулся к Бахматовым, собрал семью, посадил в машину – и в путь на Керчь, на переправу. По дороге всё рассказал Маше.

Через сутки наша семейство благополучно прибыло в Богом хранимую станицу Рождественскую. Маленькая ха-тёнка у мамы, а семья большая – Витька с тремя детьми да нас пятеро, но хотя бы детей под крышу спрятать, а мы с Машей присмотрели закуток на улице. Через несколько дней семейство брата начало роптать: «Тесно, не протолкнуться, даже за столом всем места не хватает». Тогда бабушка за ужином напомнила всем, включая и Витьку:

– Деньги на хату дал дядя Толик, газ провёл тоже он, так что молчите. А сколько раз вы приезжали к ним без приглашения, и всем находилось место.

В ответ – дружное молчание. – Что дальше? – спросила меня Маша, когда мы остались одни.

– Надо искать жильё, а потом работу или работу и жильё. Одним словом, отдыхать некогда. Хотя я планировал побродить по местам детства, повстречаться с одноклассниками, пивка попить, вспомнить юность.

– Ты же не в отпуске, теперь будем здесь жить, и мечты твои исполнятся.

За два дня я объездил всё в Рыздвяном, но на работу в качестве юрисконсульта устроиться так и не смог. В гараже ОРСа предлагали должность тракториста, но за двадцать с лишним лет я забыл, с какой стороны подходить к трактору. Но самое главное – жилья не было даже в перспективе.



Николай Куралесов

В Рыздвяный я всегда ездил на совхозном автобусе. Хорошо, что водителем был мой товарищ детства Николай Куралесов, который никогда не отказывался подвезти. Всякий раз он живо интересовался результатами моих поисков и однажды спросил, почему я не хочу работать в совхозе.

Обратился в совхоз. В отделе кадров весьма приветливая женщина сказала, что должность юрисконсульта свободна, но надо дождаться директора из отпуска. На всякий случай я поехал в Изобильный, в сельхозуправление. Приняла меня Светлана Васильевна, юрист управления, и весьма порадовалась, что ещё одно хозяйство будет закрыто, ибо ей приходилось обслуживать хозяйства без юристов. Я обговорил с ней вопрос освоения этой новой для меня, гражданской работы. Она дала мне несколько брошюр по трудовому праву, только засомневалась, сработаюсь ли я с директором.

– В общем, он не самодур, но что-то близкое к этому. Он главных специалистов меняет чаще, чем цыган лошадей. Если передумаете ждать директора из отпуска – скажите мне, у нас много хозяйств без юриста.

– Вы знаете, я родом из станицы, и директор должен меня помнить, он в комсомол меня принимал. Я думаю, мы найдём общий язык.

– Тогда готовьтесь, как там у вас, милиционеров, в песне, «вести незримый бой», вот на такой лад настраивайте свою работу. Если вы с самого начала будете делать так, как сказал директор, а не так, как требует закон, я обращусь к начальнику управления с просьбой о вашем увольнении по профнепригодности. Имейте это в виду.

Пока директора не было, я предложил Маше: давай, скуки ради, переложим стенку на мамином огороде. Стеночка из дикого камня, от дома Ромашенко и до конца – это метров тридцать, она вся развалилась, её нужно разобрать до основания и сложить вновь.

К приезду директора мы с задачей справились, и жители станицы, которые направлялись мимо в магазин, на рынок, да и вообще в центр, поставили нам оценку «отлично» и сказали, что Маша теперь может называться казачкой.

Каждый день мимо нас проходила председатель сельского Совета Таисия Степановна. И всякий раз, то в шутку, то всерьёз, она делала комментарии к нашей работе, говорила:

– Правильно, а то мы всей станицей навели порядок в центре к приезду Михаила Сергеевича, а ваша стенка портила весь вид.

– А что, Горбачёв приедет в станицу?

– Он в прошлом году проезжал на свою малую родину, в село Привольное Красногвардейского района. Директор узнал где-то, и мы почти всей станицей выехали на трассу Ставрополь – Красногвардейское, думали уговорить земляка посетить станицу. Так куда там, промчались мимо – мы и не увидели земляка. Машин десять было, не меньше, с мигалками. А мы думали, что он заедет к нам.

– Ну, юмористы. Кто же вам сказал, что генерального секретаря ЦК КПСС можно вот так запросто остановить на трассе и пригласить в гости?

– А почему нельзя?

– Я работал в Крыму в милиции, я знаю, что такое спецсопровождение. У этих московских небожителей чёткое правило передвижения. Маршрут заранее обкатывается, то есть по маршруту, по которому будет следовать та или иная персона, проезжает специальная группа людей и осматривает всё на этом пути: саму дорогу, прилегающие строения, леса, прочие насаждения. Подключают местную милицию для перекрытия перекрёстков и «интересных» мест. Остановки заранее согласовываются. На место, где будет пребывать первое лицо, выезжает специальная группа охраны, даже с привлечением снайперов. А вы хотели запросто Михаила Сергеевича посадить в столовой?

Ничего не сказала Таисия Степановна и ушла. Наверное, обиделась.



К встрече Горбачёва

Шестнадцатого августа директор так тепло меня принял, что у меня развеялись все сомнения. Пообещал решить и жилищный вопрос. В станице совхоз строит улицу переселенческих домиков – Молодёжную, вот там и нам выделяют домик. Слава Богу, всё складывается прекрасно.



Бухгалтерия совхоза «Овцевод»

При оформлении в отделе кадров Любовь Ивановна удивилась:

– Первого августа уволен в Свердловской области, а шестнадцатого уже вышел на работу?

– Стараюсь сохранить непрерывность стажа, – ответил я.

– Столько лет прошло, как вы уехали из Рождественской, и что это вас назад потянуло в эту глушь?

– Не знаю. Что-то внутреннее. Говорят, это зов предков. Мне прислали приглашение в две организации на крайний Север. Обещали баснословные заработки. Но здесь всё, что у меня есть дорогого в жизни: мама моя здесь, брат, родственники. А самое главное – это воспоминания. Здесь я родился, сделал первый вдох, первый глоток воды. Здесь я пошёл в школу. И, что немаловажно, здесь я впервые влюбился. Потом, мы все южане. Жена из Херсонской области, дети родились в Крыму.

– А вы не скандальный человек, Анатолий Иванович? Я думала, что вы меня отправите с моим вопросом, как говорят, «далеко и без хлеба».

– Нет, я так не могу.



Любовь Ивановна

Выделили мне кабинет. Директор лично привёл меня, вручил ключ, пожелав долгой и плодотворной работы.

«Чтобы долго, а тем более успешно работать, – подумал я, – мне надо изучить все вопросы: что производит совхоз, кто является контрагентами, какие договоры заключаются –

долгосрочные, краткосрочные, не кабальные ли они для хозяйства. Как ведутся взаиморасчёты, как выполняется план по производству и сдаче всего, что совхоз производит. Нужно овладеть целой суммой знаний, и только тогда можно работать спокойно и уверенно».

Но, по большому счёту, в моей жизни наступил период относительного спокойствия. Есть время пообщаться с детьми. Мне очень интересно узнать их мнение по разным вопросам жизни, как они готовы к взрослой жизни, в которую двоих из них вот-вот надо отправлять.

Как-то выдался хороший день: солнечный, но не очень жаркий, и мы с детьми решили посидеть в роще, которая была сразу за бабушкиным забором. Перейдя речку Чибрик, мы оказались в тени старых деревьев. Я предложил совершить экскурс в моё детство.

– Роща эта в мои комсомольские годы была центром для молодёжи. Вот там, где здание участкового пункта милиции, была танцплощадка, которую мы построили во время комсомольских субботников, проводившихся довольно часто. А слева, напротив здания библиотеки, была волейбольная площадка, которую тоже делали на субботнике. Вдоль речки стояли лавочки. Это было место свиданий, и в тёплый вечерок здесь не найти было свободной скамейки (а сейчас только одна). Всем этим благоустройством руководил наш комсомольский секретарь – нынешний директор совхоза.

Мы присели на лавочку, и я попросил детей:

– Поделитесь планами на будущее.

Лена, потупясь, пожала плечами, а Серёжа удивлённо сказал:

– Пап, ну какие планы? Пока только учёба.

– Пример надо брать с государства. Оно принимает пятилетний план, а потом – план на каждый год. Вот и вы должны иметь план на жизнь. Без этого никак. А в остальном как в этих стихах:

*Держись от дураков на расстоянии,
Скупых остерегайся и лжецов.
Не верь в кричащее на людях покаянье
И не иди на поводу у подлецов.
Не доверяй безгрешным и святошам,
Циничных снобов от себя гони.
И никогда от боли не стони,
Какая б душу не тянула ноша...*

– Во всём имейте своё мнение, свою голову, свои мысли и идеи. Не гонитесь ни за кем. Шаг – только навстречу, но не вдогонку... Никто за вас не будет строить ваше счастье.

– А как строить счастье, если счастье – от слова сейчас? – спросил Юра.

– Совершенно правильно, Юра. Очень умное определение: счастье – это «сейчас». Наш мир состоит из мыслей, желаний и устремлений. В зависимости от того, каковы они, он может быть наполнен радостью и счастьем или болью и горечью. От наших мыслей зависит, какой будет наша жизнь, наш мир и наша Вселенная. Как мы благодаря силе мысли выстроим свой внутренний мир, так будет складываться наша жизнь. Нужно создавать такие мыслеформы, чтобы быть счастливым всегда, в любое время суток, года...

– Одни словом, надо дружить с головой?

– Да, Лена. Что есть в голове, то и будешь иметь.

– Пап, а о чём вы мечтали, когда строили танцплощадку? Мгновенно перед моими глазами возникло то время, те люди и те разговоры. Тяжёлый вздох неожиданно вырвался из моей груди.

– Эх, дети, дети. Время так изменилось, что вы не поверите, о чём мы тогда мечтали. Чтобы хлеба было вдоволь, да к зиме купить что-то новое из одежды, хотя не помешало бы и

летнее обновить. Мечтали приобрести хорошую профессию – тракториста, комбайнера, чтобы можно было семью содержать. О сельских профессиях думали. Были ребята, которые уезжали на шахты Донбасса. Но в основном связывали свою жизнь со станцией.

В это время нас настойчиво позвали обедать. Пришлось прервать нашу приятную беседу.

Вот и двадцатое августа, пора детей провожать на учёбу в Тагил. Смотрю – Лена плачет. Спрашиваю Машу: чего это она?

Вместо Маши отвечает бабушка:

– А у неё последние дня два глаза не просыхают.

Обнял дочку:

– Ну что ты, маленькая, что за слёзы?

– Экзамен завалила.

– Моя девочка, несданный вступительный экзамен – это неприятно, но не трагично, главный экзамен у тебя впереди, когда жизнь начнёт тебя экзаменовать. Вот если там не сдашь – это будет трагедия. И вообще, самая тяжёлая школа – это школа жизни. Никогда не знаешь, в каком ты классе и когда следующий экзамен. Ты даже списать не можешь, потому что ни у кого нет такого варианта. Так что не всякая проблема является концом мира. Завтра поедем в Ставрополь, я тебе покажу Ставропольский пединститут. Может быть, здесь и останешься.

На следующий день мы с Машей повезли Лену в Ставрополь. В пединституте наши надежды разрушили: приём закончен даже с запасом. Поехали мы домой ни с чем. Остановил я машину на улице Ленина, около «Детского мира», и сказал Лене:

– Мы пошли в магазин, и пока мы будем там, у тебя есть время принять решение: ты уезжаешь или остаёшься.

Ничего нам не надо было в магазине – это был предлог оставить девочку одну для принятия решения, а нам с Машей поговорить о ее судьбе.

– Как ты думаешь, мать, стоит нам её отпускать? Девочка всё-таки, родители далеко, не сделает ли она нас дедушкой и бабушкой раньше, чем мы этого ждём?

– Отпускать или не отпускать – в этом я не вижу проблемы. Мы с тобой уехали от родителей когда? Сколько нам было лет? Как ты считаешь, у нас всё в порядке? Вот и у них всё будет хорошо. А насчёт внуков, ты что, думаешь, девочке сколько лет и я с ней не говорила на эту тему? Тогда я плохая мать.

– Нет, я так не считаю.

– Тогда давай отпускать, не наживать себе врага в лице дочери. Хочет ехать – пусть едет, не хочет – пусть остаётся.

Придя в машину, мы застали Лену улыбающейся, настроение улучшилось, значит, решение приняла.

– Ну и чем порадует родителей невинное дитя?

– Пап, мам, поеду я. Там после того как я не сдала экзамен, мне сразу предложили поработать лаборантом на кафедре, я и заявление там оставила.

– Ну что ж, коль ты так решила – тому и быть.

Вернувшись, домой, я обратил внимание, как братья бросились к сестре и зашептались. Понятно о чём. Говорю Маше:

– Отпуская детей в свободное плавание, надо с ними побеседовать.

– А в чём проблема?

– Проблема в том, что здесь нам поговорить не дадут. Викторovy дочери любопытные и нас одних не оставят. Поэтому я предлагаю пойти в столовую и там за чаем пообщаться.

В столовой людей почти не было, две женщины сидели у окна, а мы заняли удобный для нас столик в углу зала. Ещё не успели сесть, как к нам подошла работница столовой Валентина Тютерева. Мы часто пользовались столовой всей семьей, и нас здесь хорошо принимали.

– Поздновато вы пришли, первое уже закончилось, на второе только гуляш из баранины, – сообщила нам Валентина.

– Валечка, мы сегодня только чаёк погоняем.

– Что это вы? Аппетит пропал или, не дай Бог, обнищали?

– Всё хорошо, Валя, просто мы уже поели, а к вам только за чаем.

Лена спросила:

– А у вас какой чай, чёрный или зелёный?

– Чёрный байховый, пятьдесят граммов в пачке, вот эту пачку на десятилитровый бойлер – и через полчаса чай готов. стакан – три копейки.

Маша пошла к стойке и принесла поднос с чаем. В это время в зал вошла заведующая столовой Тамара Резникова. Поздоровавшись, поинтересовалась, почему только чай.

Лена сразу засыпала её вопросами:

– Тётя Тамара, а почему чай такой дорогой?

– Потому что затраты такие.

– Какие затраты? Пачка чая стоит 32 копейки, и это на десять литров. Если эти литры разделить на стаканы, получится 50 стаканов. Умножим на три копейки и получим сколько? Ааа, молчите. Получается рубль пятьдесят копеек. Здорово живёте.

– Девочка, ты не всё посчитала. На любом производстве так прибыль не считают. Если ты взялась посчитать прибыль данного предприятия, то тебе надо начинать не с доходов, а с расходов. Вот это здание столовой, оно же не вечно. Его надо содержать? Значит, надо ежемесячно отчислять на ремонт. Затраты на автотранспорт, электричество, воду, газ, стоимость самих продуктов, зарплата работников столовой, налоги. И это далеко не все затраты – а теперь посчитай доход. А что касается чая, то мы завариваем не десять литров, как ты посчитала, а литров 5–6. У нас не Средняя Азия, и особо не чаёвничают.

– Так что, выходит, все расходы ложатся на чай?

– Нет, дитя, все расходы делятся на конечный продукт, а не только на чай.

– Спасибо, Тамара, преподала нашим детям урок экономики.

Юра пошёл к стойке и купил кулёчек конфет. Конфеты, как в моём детстве – подушечки без обёртки. Наконец-то мы приступили к чаю. Лена, глядя на нас с Машей, спросила:

– Ну не чай же мы пришли сюда пить?

– Правильно думаешь, дочка. Мы будем говорить о вашей взрослой жизни, которая начнётся на днях, как только вы сядете в поезд.

У вас, как у всех молодых людей вашего возраста, возникает вопрос: «Кто я, зачем пришёл в этот мир, чего ждать от него, как стать настоящим человеком, чем можно его одарить?» Когда вы в семье, вы можете спросить об этом у нас, но вы будете далеко, на эти и подобные вопросы вы будете искать ответы сами. Сегодня мы с матерью хотим вам дать направление этих поисков. Акцентировать ваше внимание на жизненных ориентирах, жизненных ценностях.

Наша жизнь – результат наших размышлений о ней, а наш характер формируется исключительно под воздействием того, какие мысли бродят в голове. Вы должны знать пословицу: «Что посеешь, то и пожнёшь». Это к тому, что поступок является «цветком», а радость или страдание – это уже «ягодки», то есть мы пожинаем сладкий или горький плод в зависимости от того, что посеяли. Если у нас греховные мысли, нас ждут боль и разочарование, но если наши помыслы чисты, то и мы будем радостны и счастливы. Становление человека – это естественный процесс, а не Божье провидение. Причины и следствия этого процесса являются безусловными и неизбежными – как в мире материальном, так и в мире наших потаённых мыслей. Благородный и доброжелательный характер – это не дар свыше и не случайность, а естественный результат непрерывных усилий самого человека, его правильного мышления, тогда как склочный и жестокий характер формируется из-за постоянного потворства порочным наклонностям и собственному эгоизму. Мы создаём и разрушаем себя сами.

Мы не можем вам дать готовых рецептов поведения в жизни, но человечество выработало определённые ценности личности. Вам, вступающим в жизнь, эти ценности надо постичь, потому что узнать о них от других, так сказать, списать с натуры, не получится. Как ни жаль, но мы, в подавляющем большинстве, довольно невоспитанные люди. Не знаем, как себя вести в транспорте, на улице, в других общественных местах. Имеем смутные представления о правилах хорошего тона, о вежливости, о культуре поведения. С детских лет нам внушают, что такое хорошо и что такое плохо. Почему же существуют на свете ложь, обман, вероломство и подлость? Видимо, не все усвоили эту обязательную азбуку. Её мало знать, её не вызубришь, как букварь. Её надо сделать своим убеждением. Нравственность – основа личности, а главной нравственной ценностью человека является единство его слов и поступков.

В разговор вступила Маша:

– Вам надо знать, что нравственность есть Правда. Не просто, правда, а Правда, с большой буквы, ибо это мужество и честность. Если это есть, значит, у человека есть авторитет – человек пользуется влиянием, уважением, доверием.

Мы так увлеклись разговором, что я не обратил внимания, что за женщины сидели за столиком у окна. Когда они встали и стали благодарить поваров, я по голосу узнал свою учительницу литературы Елену Кузьминичну Карпенко, к которой со школьной скамьи сохранил чувство уважения. Я встал из-за стола и поздоровался первым, в знак уважения. Они подошли к нашему столику, и Елена Кузьминична сказала шутливым тоном:

– Ну, покажи, Толя, свои творения.

– Вот, смотрите, ничего не прячу. Вся семья в сборе.

– Молодец! Красивые детки. Насколько я помню, ни у кого из твоих одноклассников нет такой большой семьи. Не бойтесь?

– Елена Кузьминична, чего бояться? Тяжело было, когда всех троих на руках носили. На днях двоих отправляем на учёбу.

– Вот тут-то всё и начнётся, – сказала до этого молчавшая Нина Ивановна Кобзева, тоже учитель литературы, только старших классов. – Студенческая среда ой какая привередливая. Им подай всё самое модное, а это очень дорого. Сможете двоих ...

– Нина Ивановна, у нас семья дружная, дети не избалованы. Я думаю, что проблем не будет.

Юра, когда понял, что они знают и помнят меня ещё со школы, спросил:

– Скажите, а как папа учился?

Елена Кузьминична с улыбкой посмотрела на Юру и погрозила пальцем.

– Учился ваш отец хорошо. Особенно он любил литературу. Когда отвечал на уроке что-то заданное наизусть, это было удивительно. Он читал, как профессиональный артист. Но самое интересное, когда он по ходу чтения забывал слово или целую строфу, он тут же, мгновенно заменял его своим, не меняя ни рифмы, ни смысла. А однажды показывал мне свои стихи. Я думала, что он будет заниматься литературой, а когда он бросил школу...

– Не я бросил школу, а время и обстоятельства заставили. Мама почти на год попала в больницу, а нужно было отправлять в школу брата Витьку и чем-то питаться. Поэтому пришлось пойти работать.

– Я знаю. Сейчас стихи пишешь?

– Балуюсь иногда.

– Занёс бы почитать. Коль столько деток родили, значит, любите семью. Прочту вам стихи про семью.

*Берегите семью – в Жизни главный причал!
Ничего на Земле нет дороже!
Берегите Любовь – всех Начало начал!*

*Счастья быть без неё не может!
Настоящая – в Жизни приходит лишь РАЗ!
Берегите Любовь! Это высшее!
Ты скажи: «Я люблю Тебя!» – прямо сейчас.
Этих слов не бывает лишних!
В жизни только Семья есть Основа основ!
Остальное вообще не важно.
Боготворите Семью и Любовь!
Нам Господь её дарит однажды!
Не идите у моды на поводу!
Не разменивайте свои Души!
На чужое не зарьтесь – на грех, на беду!
Берегите своё! Крепче! Лучшие!
Берегите любовь – это свет неземной!
Это главная в Жизни Святость!
Дорожите родными, своею Семьёй!!!
Ведь без них всё вокруг – как пустыня!
Не ищите вы «счастья» по сторонам!
И достойно свой Крест несите!
Эта дверь не откроется дважды нам!
Вы лелейте её и цените!
Вы своё всё любите, прошу вас, друзья!
Не нарушайте же Божьей Воли!
Любите всё так, как люблю это я!
Вы поймите, Судьба – одна! И Доля!*

И вы, молодёжь, должны беречь семью. Скоро у вас будут свои семьи, но вы не должны забывать ту, которая дала вам жизнь, вырастила, работала на вас.

– Какие воспитанные, сидят и внимают, как на уроке, – с улыбкой сказала Нина Ивановна. Учителя пожелали нам всего доброго, и мы расстались.

В это время в зал вошел Владимир Тютерев. Увидев нас, он подошёл, поздоровался, поинтересовался:

– Эта гвардия вся ваша?

– Да, Володя, это наше богатство.

– Вот это богатство? Сколько ни вкладывай в девочку, придёт мужчина, уведёт вместе с вашими вложениями и сдачи не даст. Парни как уйдут в армию – моли Бога, чтобы хоть один вернулся. Потом их надо женить, и столько же отдашь, сколько и дочке. Это хорошо, если ты вложил в них понятия совести и чести по отношению к родителям, а если они не усвоили эти уроки? О каком счастье ты говоришь? Вы в городах жили, там всё скрыто от посторонних глаз, а у нас в станице все и всё как на ладони. Видим мы, в какое богатство превращаются детки. Только и слышишь: там родителей избили дети, там отобрали деньги, другие заставили мать с отцом продать дом, деньги забрали, родители по квартирам ...

Жена Владимира, Валентина, которая молча наблюдала за нами из-за прилавка, громко позвала:

– Володя, не мешай людям чай пить.

Владимир не обратил внимание на предупреждения жены и продолжал:

– Я вам стихи расскажу про это «богатство».

Почему Кощей Бессмертный

*Просто сказочно богат?
Потому что он бездетный
И к тому же не женат.
Эти дочки да сыночки
Деньги вытаскают из бочки:
То конфеты, то наряд –
Вмиг папашу разорят!
Почему Кощей Бессмертный
Всемогущий властелин?
Сундучок его заветный
Не найдут ни дочь, ни сын.
Эти дочки и сыночки
С сундучка сорвут замочки:
Доберутся до яйца –
Трах иглу ... И нет отца!
Довести способны дети
И бессмертного до смерти.*

– А ты говоришь – богатство.

– Красиво ты меня. Но мы живём будущим. А ты почему не на работе?

– Я же работаю в газе...

Валентина, жена Владимира, быстро отреагировала:

– Да, да, в газе! – и смешно щёлкнула себя пальцем по горлу.

Владимир рассмеялся и произнес, обращаясь к жене:

– Валя, я тебя обожаю. Ты так неумело пользуешься этими жестами.

– Потому что работаю не в газе.

Лена состроила забавную гримасу, что у всех вызвало улыбку.

– Не столовая, а литературный кружок. Но самое интересное: сколько людей, столько и мнений-суждений.

Мы вспомнили про остывший чай, но тут нас окликнули:

– Катковы, мы закрываемся. Просим вас на выход.

Двадцать второго августа 1985 года мы проводили в жизнь сразу двух своих деточек. На вокзале я им сказал:

– Будем ждать вас на этом перроне с дипломами.

– Ой, нескоро это будет.

– В народе говорят: «Самый длинный путь начинается с первого шага». Всегда идите по жизни с высоко поднятой головой. Уверенность привлекательна.

Честно признаюсь, радости или хотя бы чувства удовлетворённости я не испытывал. Нежность и жалость – вот что рвало мою грудь. Прощаясь у вагона, я дал Серёже листок бумаги, а Маша обняла Лену и что-то нашептывала ей на ушко.

Проводили, едем домой, Маша спрашивает:

– А что за листок ты дал Серёже?

– Да выписал молитву о сыне из того нижнетагильского молитвослова и передал ему.

– А я выучила молитву о дочери и прочла её Лене.

– Прямо-таки на память?

– Не веришь? Слушай.

*Молю тебя, о Дева Пресвятая,
Даруй здоровье девоньке моей,*

*Ты ведаешь, о чём душа мечтает –
Дай в жизни ей побольше ясных дней!
Прошу ей счастья, красоты, удачи
И много-много радостных минут.
И пусть она поменьше горько плачет,
И пусть часы счастливые бегут.
А если вдруг кого-то ненароком
Она обидит, злобы не тая, –
Я знаю: будет для неё уроком
Святая строгость и любовь Твоя.
И коль она по слабости душевной
Не сразу путь свой в жизни обретёт –
Ты помоги молитвой ежедневной
Вернуть к Тебе души её полёт.*

– Да, душевная молитва.

– Вот и пусть с Богом отправляются во взрослую жизнь. За ужином Маша вновь заговорила о детях.

– Знаешь, что меня мучает? Чувство неуверенности в том, что мы сможем содержать их. Ты представляешь, сколько им надо денег? Минимум по СТО рублей КАЖДОМУ и КАЖДЫЙ месяц, а у нас нет таких денег.

– Да, ты права, у нас осталось что-то около семисот рублей, но нам надо искать жильё. Сколько оно будет стоить? Юрика одевать в школу надо.

– Э-хе-хе. С деньгами не так хорошо, как без них плохо. Мне надо искать работу. Поговори в отделении, может, я дояркой пойду или на откормочный.

– Нет, Машенька, ты уже работала дояркой. Вот купим себе хату, и будешь домашним хозяйством заниматься. Там и доярка, и копалка, и прополка, и готовка, так что полный набор удовольствий тебе будет обеспечен.

На работе я всё время спрашивал, где какая хата продаётся. Подсказали мне, что в Кучугурах продают дом Чибирковы. Поехал посмотреть. Батюшки, они просят за него пять тысяч. И за что? Дом большой, но неблагоустроенный, удобства на улице, отопление печное. С осени до лета не подъехать – мочаки.

Потом сказали, что там же, в Кучугурах, рядом с Ленкой Лычёвой продаётся хата. Поехал, посмотрел. Это не хата, а шалаш. Маленький коридорчик на две пары обуви и одна небольшая комната с русской печкой без плиты. Тётка Ленка дала адрес хозяйки хаты, разыскал я её в Рыздвяном на улице Степной, а она за неё цены не сложит. Батюшки, за что там тысячу платить? Снизил до семисот – и ни рубля больше. Уехал я. Пусть остынет от торгов, может, через недельку ещё скинет, а я пока дальше поищу.

На следующий день эта женщина пришла ко мне на работу и предложила цену в пятьсот рублей. Такие деньги у меня были. Спустились мы на первый этаж в сельский Совет, где она написала расписку в получении денег и расписалась в по-хозяйственной книге. Вот так в наше время происходила купля – продажа жилья. Никаких юридических контор, никаких пакетов документов, регистраций собственности. Написал расписку, что деньги за хату получил, в похозяйственную книгу сельсовета вписали нового владельца – и дело с концом.

Так к концу октября мы перебрались в собственное жильё. К тому времени мебель, которая стояла у мамы во дворе под брезентом, успешно развалилась. Наверное, поняв, что для неё нет места, она самоликвидировалась.

Топить приходилось дровами и углём. Дров надо было много, и с ножовкой их не запасёшь. Купил в Изобильном бензопилу и в верху своего огорода стал заготавливать дрова. Такой

техники в округе у людей не было, и стали идти ко мне с просьбой напилить дров. Конечно, я отказывал, времени не было, да и цепи точили только в Ставрополе.

Молва дошла и до моего дяди Николая Зимовцова. Приехали они с сыном Василием и с подругой по имени «Водка русская», пообещали на уровне одной бутылки и уговорили меня попилить дрова у дяди Коли. В выходной занялись мы этой работой. В обед тётя Аня, жена дяди Коли, рассказала мне под «большим секретом», что дядя дрова из дома ворует и возит полюбовницам. Потом я убедился, что это её хобби – уличать дядю в измене. Дядя говорил, что это болезнь у неё такая.

На улице Пролетарской у одной женщины купил тонну угля: она топила газом, а уголь остался. Цену завысила, но пришлось брать, из района вести дорожку. Это была моя последняя покупка в станице. Сколько нервов она мне вымотала.

– Я ему уголь продала, а он отказывается мне в юридической помощи.

– Так продала, а не подарила. За деньги и я поеду в Московское защищать твою дочь.

У тётки Ленки взяли на выплату коровёнку, и жизнь стала налаживаться.

А вот у Юрика дела шли как-то не очень. Он стал замкнутым, взгляд отрешённый. На откровенный разговор не идёт, какое задание дашь – идёт молча и делает, а ведь раньше, бывало, столько от него наслушаешься, пока он что-то сделает.

И всё же мне удалось поймать его в хорошем настроении и вызвать на откровенный разговор.

– Да надоели мне эти бесконечные переезды. Зачем уехали с Урала? Я уж не говорю о Белогорске. Мы только с Сергеем обзавелись друзьями, теперь сюда, Сергея нет, друзей нет, а мне одному, думаешь, просто? Да и хата эта, что её, можно сравнить с нашим домом в Белогорске?

*По листьям опавшим деревья не плачут,
Им новые листья подарит весна.
Уметь не жалеть – вот поистине счастье,
Не плакать о том, что ушло навсегда.*

– Можно было бы стихами и ограничиться, но вряд ли ты поймёшь. Говоришь, Сергея нет, друзей нет, хата не такая. У тебя много чего нет. Можно продолжить этот список: тяжёлой болезни нет, долгов нет. Ответственности за больного родственника нет. Горба нет. Инвалидности нет. Так что много чего нет – и не надо. А всё остальное можно заработать, улучшить или просто обойтись временно. Ничего страшного. Главное – быть живым и здоровым и чтобы близкие были живы и здоровы. И плохого не было. И это уже хорошо.

Дальше перечислять, или ты уже понял? Ты находишься в таком возрасте, что тебе надо только радоваться. Проснулся утром, солнце светит, в хате тепло, завтрак есть, одеть, обувь есть что. Что ещё нужно? Я в твои годы в ночную пас быков, а с осени, когда заканчивались полевые работы, пас табун жеребят. А это ночь в степи. Полураздетый, полуголодный или вообще голодный.

– И что ты предлагаешь?

– Жить! Вот когда ты вступишь самостоятельно у руля своей жизни, вот тогда будешь решать, где и с кем тебе жить, в каком доме или квартире. А пока ты ешь родительский хлеб, будь добр, разделяй с семьёй всё, что выпало на её долю. Я тебя понимаю, но и ты пойми меня. Из Крыма уехали ты знаешь почему, с Урала пришлось уехать, потому что там не получилось то, из-за чего мы туда приехали – восстановиться мне в кадрах МВД, а просто так зарабатывать там туберкулёз ни к чему, да и пространство там не наше. Холодно, а летом комары, оторванность от цивилизации, от райцентра, я уж не говорю о Свердловске. Короче, медвежий угол, поэтому и уехали сюда.

Здесь по тридцать километров что до района, что до Ставрополя, везде асфальтированные дороги, ходят автобусы. Зимы мягкие, лето жаркое и нет комаров. Места для отдыха тоже есть: плотина, лес, речка – всё для тебя, пожалуйста, пользуйся. Привыкнешь, Юра, здесь тоже люди живут, и друзей наживёшь, а что остался один, так это неизбежно. Рано или поздно вы должны расстаться: кто учиться идёт, кто в армию. Так устроена жизнь, сынок. Давай дружить с тобой, у нас с тобой не закончены курсы шоферов, да мало ли, нам просто никуда не деться друг от друга. Нам с матерью сложнее, надо искать работу, а работа незнакомая, надо всему учиться, а у тебя что там школа, что здесь, так что не переживай.

После этого разговора потеплел Юрчик, стал чаще улыбаться. Ну, слава Богу.

На работе у меня сплошные раздоры, ну никого сладу с главным бухгалтером Раисой Ивановной. Прошу документы – зачем они вам нужны? Прошу рассказать на словах – ей некогда. А как мне работать? Пошёл к директору, говорю, что не даёт Раиса Ивановна выполнять свои обязанности, объяснил, в чём дело. Пообещал разобраться. Через час явилась Раиса Ивановна, вся в слезах и с папками документов, бросила их мне на стол со словами: «Нате, изучайте!» – и ушла. Что я буду изучать? Боже, я же просил её вместе посидеть, разобраться, даже не разобраться, а растолковать мне, что к чему. Ничего не понимаю. И так к кому ни пойду – все волком смотрят. Закралась у меня нехорошая мысль: а не скрывают ли они что-то от меня, как от чужака. Ладно, решил я, буду постепенно входить в курс дел.



Руководящие и направляющие руки станции Рождественской

Решил я начать с отделений. Встречаю в коридоре управляющего вторым отделением Алексея Алексеевича, спрашиваю:

– Где контора отделения?

– Да твою..., ты совсем станицу забыл. Дорогу на кладбище знаешь? Вот, последний домик по левой стороне улицы Ленина. Там ещё табличка красивая висит: «Второе отделение совхоза «Овцевод».

– А ниже: «И матерщинник управляющий Лазырин».

– О-о-о, поработай с моё в совхозе – я посмотрю, каким ты станешь. В сельском хозяйстве блаженные не приживаются. Здесь нужны люди с крепкими руками, нервами и крепким словом, тогда будет порядок.

В оговоренное время я пришёл в контору отделения. Пока управляющий решал служебные вопросы с зоотехником, у меня была возможность поближе рассмотреть его. Крупного телосложения, о таких говорят: «Крупной кости человек», кулак – больше моих двух. Всё это говорило о недюжинной физической силе. Что меня удивило в нём, так это выражение его лица, а точнее – глаз. При разговоре он выражал совершенное удивление, как будто спрашивал: «Я ещё должен объяснять?». А его твердый голос и спокойная жестикуляция говорили о его внутренней силе, об уверенности в том, что он говорит или делает. Такие люди мне всегда внушали уважение.



А. А. Лазырин

Когда остались вдвоём, я рассказал ему о своих проблемах.

– Тьфу, твою ... да разве это проблемы? Плюнь на всё и сиди себе в кабинете. Работу тебе принесут, можешь не беспокоиться. А на Раису Ивановну не обижайся, ну вот такая она эмоциональная. Она терпеть не может, когда кто-то лезет в её бухгалтерию. Да ничего там противозаконного нет, просто она ревностно охраняет результаты своего труда. Ну, такой человек, а так она весёлая, общительная, поработаешь – поймёшь. Мой тебе совет: ни к кому не ходи, ничего не проси. Сами придут.

Звоню в первое отделение, договариваюсь с Борисом Гавриловичем Литвишко о встрече. При встрече не могу поверить глазам своим: этого человека я помню с детства, а он не меняется. Все такой же худощавый и очень подвижный, с живым умом.



Б.Г. Литвишко

– Ну что, Толик, оставляй своего железного коня здесь, давай вспомним молодые годы, прокачу я тебя на настоящем коне – на бидарке. На ней и шуму меньше, и время больше для разговора.

– А куда поедем?

– А ты что хотел посмотреть? У меня один мехотряд, два агрокомплекса – зерновой и кормодобывающий, более десяти кошар с поголовьем в пятнадцать тысяч овец, одна молочно-товарная ферма и один телятник. Выбирай.

– Как же вы справляетесь с таким хозяйством?

– Я не один, партактив помогает.



Партактив

– Борис Гаврилыч, извините, но я приехал не с инспекторской проверкой. Я приехал, если позволите, просто поговорить.

– Я тебя, Толик пойму, потому что ты от роду наш, только давай с тобой договоримся: вот эти штучки, которые якобы присущи только людям образованным, типа «извините, позвольте» – это ты оставь для центральной конторы. Там все после институтов, им это уж дюже нравится. А мы тут, как говорили раньше, так и говорим, мы университетов не кончали. Поэтому давай напрямую: что тебе интересно?

– Мне не так интересно, как непонятно. Начальники отделов не дают данных...

– Каких?

– Ну, допустим, в отделе зоотехника не дают сравнительный анализ падежа скота, хотя бы за квартал. В агрономическом отделе не дают данных об урожайности зерновых, о количестве земель во временном отчуждении, бухгалтерия – вообще в слёзы. Ведут себя так, будто я пришёл в их владения и пытаюсь нарушить устоявшийся порядок вещей.

Борис Гаврилович внимательно, с прищуром, смотрел на меня. Его глаза светились добротой и лаской.

– А знаешь, ты прав. Честное слово, здорово подметил – «владения». А как иначе сказать? Я как с фронта пришёл после ранения, как поставили бригадиром, так по сегодняшний день и бригадирствую. Представь, что я более сорока лет работаю, не имея ни отпуска, ни выходного. Ну, если каких два-три часа днём уделю дому – вот и всё. Утренняя дойка начинается в пять утра, и мне надо быть там, а вечерняя заканчивается в девять вечера – и мне также надо быть. Днём полевые работы надо объехать, заехать в мехотряд, выяснить, почему какой-то трактор не вышел... Да разве только это?

Жизнь порой такие вопросы подбрасывает, и от них не отвернуться, не отмахнуться. Приходится заниматься и житейскими вопросами рабочих. Ремонт не только тракторов, но и душ человеческих. И что ты предлагаешь, чтобы я сказал: «Да это всё совхозное»? Не смогу так. Я сжился, слился с этой землей, врос в неё, в эту работу, в эти повседневные заботы. Я каждое поле знаю лучше, чем морщинки на лице жены, знаю, что можно на нём посеять и что получить. Я каждого из своих рабочих знаю, кто на что способен. А если это всё не моё – тогда

дай мне два выходных в неделю, отпуск летом и, конечно, восьмичасовой рабочий день. Так чьё это всё будет?

Ты пойми правильно, мы без претензий на какую-то часть имущества или дохода. Нет! Мы ведём дела, как у себя дома, и так же переживаем, и воспринимаем успех и неудачу, как своё личное. Директор не переносит амброзию, как раз в разгар уборочной кампании он уезжает на курорт. А если и мы с управляющим второго отделения поедem на плотину загорать? Ты представляешь, что останется от этого совхоза «Овцевод»? Одна вывеска. Поэтому ты прав. Ты пришёл в чужие владения, мы столько лет, каждый на своём месте, строили, складывали, преумножали, а ты хочешь в одночасье всё...

– Борис Гаврилович, я ничего не хочу. Я хочу, чтобы мне дали отчётные данные, которые составляют ежемесячно в каждом подразделении, а мне не дают.

– Не знают тебя и ревностно относятся к своему труду. Дай тебе данные, а как ты с ними обойдёшься? И Раису Ивановну понять можно, она тоже, бедолага, крутит этими копейками. Представь, что нужно за что-то кому-то перечислить пять тысяч рублей, на счету всего шесть или семь тысяч, а предвидится крупная покупка техники – что ты будешь делать? Понятно, надо придержать денежки на счету, чтобы при заключении договора поставщик видел, что деньги есть. Как ты считаешь – это нарушение? Да, нарушение, и она это знает, и директор это знает, но положение диктует. А дай тебе информацию – ты поймёшь, или вынесешь сор из избы – и тогда скандал и в районе, и с поставщиками. Так что отчёт – дело тонкое, если не сказать секретное. А в поголовье вообще чёрт ногу сломит. Там делают один отчёт для района, а другой для себя. Кому хочется давать низкие показатели по приплоду или большой падёж? Никому. А занижают падёж в надежде, что нагонят, приплодом покроют. Иначе нельзя.

– Это я помню ещё с детства. Дядька Мишка Падальцын рассказывал: родились два телёнка в колхозе – поставили три, в районе посчитали – мало, поставили четыре, в крае посмотрели – маловато, поставили пять. В Москве посмотрели и решили двух телят отправить за границу, а три оставить у себя.

– Да, другой раз и так бывает, бумажное поголовье остаётся нам, а настоящее отправляем на мясокомбинат. Ну так что, мы едем или нет?

– Нет, Борис Гаврилович, спасибо, вы меня вразумили, и ехать нам никуда не нужно.

– Тогда у меня к тебе вопрос: ты почему поменял фамилию? Ты же был Зимовцов, а сейчас Катков.

– Я с пятого класса Катков, когда в школе потребовали свидетельство о рождении.

– Ааа, я на фронте был и отца твоего не знал. Так что осваивайся, что надо – обращайся, помогу, чем смогу. А вообще, как мне кажется, ты очень активно стал входить, как ты сказал, в незнакомую тебе профессию. Тут самое главное – соблюсти баланс. Как у нас говорят: «Не будь слишком сладким, чтобы не съели, и не будь горьким, чтобы не выплюнули».

Я, когда начинал бригадирствовать, так же рьяно всё хотел сразу схватить. Председатель колхоза был очень умный человек, он посоветовал мне вести себя, как сказано в древней восточной молитве: «Господи, дай мне сил справиться с тем, что я могу сделать. Дай мне мужества, чтобы смириться с тем, что я не смогу сделать, и дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого». Ты понял?

– Да, Борис Гаврилович. Понял. Спасибо.

При встрече с юристом сельхозуправления Светланой Васильевной я ей рассказал о всех тяготах вхождения в профессию.

– Успокойся, не надо тебе постигать производство на уровне директора совхоза – это не наше. Мы не милиция, мы ничего противозаконного не ищем, никого ни в чём не уличаем и следствие не ведём. Если будут какие-то нарушения – ими занимаются профильные отделы управления. Наше дело – консультировать руководство совхоза по правовым вопросам. Принимать рабочих и также консультировать их, но только по трудовому праву. Все остальные

вопросы быта, т. е. развод, раздел имущества и так далее – это не наше. Ты сейчас изучай трудовое право, гражданский кодекс и споры хозяйствующих субъектов – это тебе пригодится.

Теперь мне казалось, что я разобрался в теме. Мне просто надо знать трудовое законодательство, потому что ежедневное соприкосновение людей труда и управленцев порождает непонимание одних другими. Уяснив суть, я успокоился.

Тяжело, как говорится, со скрипом, но дело сдвинулось. Стали со мной общаться. Секретарь директора, Лидия Борисовна Маркова, стала пачками приносить мне акты о падеже овец. Документы, где ветврач писал, что животное погибло по недосмотру бригады, директор отправлял мне, а я уже готовил проект приказа об отнесении падежа на счёт бригады или отдельно взятого чабана. И пошли ко мне несогласные выяснять отношения. До нового года я нажил столько недоброжелателей, сколько другой человек не имеет за всю жизнь. Что характерно, было несколько чабанских бригад, где работали чеченцы или адыгейцы. С ними проблем не было. Когда приходилось писать проект приказа о возмещении ущерба за их счет, они или вообще не приходили, или приходили, но мирно без шума и пыли уясняли для себя суть дела и уходили. С одним из них у меня даже сложились прямо-таки приятельские отношения.

А вот с нашими казаками были одни неприятности. Я объяснял, что я промежуточное звено в этом процессе. Запускает этот процесс ветврач при вскрытии падежа, затем директор рассматривает акты и отписывает мне, я только готовлю ПРОЕКТ приказа об удержании средств, но окончательное решение – за директором: подпишет он проект приказа или ограничится предупреждением. Но мои объяснения не слышали.

В это время на землях совхоза газпром вёл бурение. Строили ПХГ – подземное хранилище газа. Отвод земельных участков производил земельный отдел районного сель-хозуправления, и деньги газпром перечислял туда же, но не совхозу. Меня этот вопрос заинтересовал: почему земли выводят из оборота совхоза, а деньги получает управленческое звено районного масштаба? Юрист сельхозуправления не смогла мне внятно объяснить, но указала, что ответственность за соблюдение правил использования отведённых под бурение участков лежит на администрации совхоза. Тогда я в земельном отделе взял справочник «Правила отведения сельхозземель и пользования ими». Хорошо изучив эти правила, я понял, что наше газопромысловое управление, в пользу которого были отведены земли, сплошь и рядом нарушает их. В правилах написано: до установки бурового станка верхний слой земли должен быть снят и складирован. Транспортные средства должны передвигаться только по отведённой для этих целей полосе. Недопустим разлив нефтепродуктов. Отходы бурения должны складироваться, а затем вывозиться для утилизации.

У нас всё было нарушено. Я составил протокол и обратился в газопромысловое управление. Там мне объяснили, что эти работы ведёт подрядная организация, которая является субъектом правоотношений и имеет свой расчётный счёт. Поэтому все претензии следует направлять Ставропольскому управлению буровых работ.

В Рыздвяном находилось управленческое подразделение по бурению. Начальник Павел Алексеевич Тыртышов, прочтя протоколы, отреагировал на них очень бурно, усердно стал мне советовать, куда их засунуть и где оставить на вечное хранение.

– Вы забылись, я юрист и смогу грамотно составить документы об оскорблении, да ещё при исполнении. Вы же не просто взрослый человек, вы начальник подразделения, значит, имеете опыт работы с людьми. Надеюсь, что и соответствующее образование присутствует. Что это вы так бросаетесь словами, как на базаре.

Присутствующий здесь же Владимир Батырбекович Беликов стал успокаивать нас и призывать к элементарной порядочности. Так состоялось моё знакомство с этими в общем-то порядочными людьми. Я и подумать не мог, что мне придётся с ними работать.

Протоколы я стал составлять регулярно, но директор их оставлял у себя и ходу им не давал. По каким соображениям – мне не известно. Хотя можно было такие деньги снимать с

Управления буровых работ, что совхозу и не снились. Поделился я этим с главным агрономом. Он пообещал разобраться, сказал, что на этой неделе к нам приедут товарищи из района, и мы у них выясним.

Прошла неделя, и Виктор Дмитриевич пришёл ко мне в кабинет и с присущей ему улыбкой сказал:

– Беседовал я с районным руководством, они подтвердили правильность поведения нашего директора.

– Вы с кем беседовали?

– Вот, посмотри, – и положил на стол фотографию.



Рассматривая фотографию, я подумал: «Вот это люди от земли! При галстукке – и запросто сели на лугу, а один ещё и полевых цветов собрал букет. Вот чем измерить человечность? Чиновник какого ранга вот так запросто присядет отдохнуть?» Поймал себя на мысли, что фотография вызвала у меня такие положительные эмоции, что я мысленно сказал спасибо Виктору Дмитриевичу.

В октябре, когда дожди всё чаще стали поливать земельку, мне стало ясно, что вот-вот и я отъезжусь на своих «Жигулях», так как дорога на Кучугуры грунтовая и в дождик по ней не подняться. Написал я объявление: «Меняю «Жигули» на ЛУАЗ» – и развесил в Рыздвяном и Изобильном с указанием своего служебного телефона. Спустя какое-то время мне позвонил мужчина и предложил встретиться, указав при этом свой изобильненский адрес.

Встреча обоих удовлетворила, и мы оформили куплю-продажу, а фактически просто обменялись автомобилями. Вот теперь, с двумя ведущими мостами, можно зимовать в Кучугурах.

Как-то в выходной пошли мы погулять до Азарчева яра. День стоял тёплый, скорее летний, чем осенний. Маша, указывая на гору, сплошь покрытую лесом, сказала:

– Посмотри, какое убранство, как богата осень на краски! Мы никогда не жили так близко к лесу, и у меня не было возможности наблюдать, как лес меняет красоту.

– Как не жили? Дважды жили в тайге, на Севере и на Урале.

– Так то тайга. Она и зимой и летом одним цветом.

– Вот теперь наблюдай за этой ежедневно меняющейся красотой. Недаром так много поэтов посвятили свои стихи осени. Ты знаешь Пушкина или Есенина?

– Я знаю стихотворение неизвестного мне поэта:

Я видела осень... Она целовалась с дождём,

*В объятиях нежных друг друга они дополняли.
По парку вечернему шли беззаботно вдвоём...
Дыханием ветра листву шаловливо срывали...
Десятки прохожих бежали с зонтом от дождя...
А он улыбался любимой единственной леди,
Что золотом мир украшает, к нему приходя,
В красивых сапожках с отливом блистающей меди.
Он в сером плаще, а она в ярко-желтом пальто...
Он с грустью в глазах, а она с озорною улыбкой...
И сколько продлится роман, не узнает никто,
А он называет её Золотистой Рыбкой...
И, глядя с волнением волосы рыжей мадам,
Из капель прозрачных выкладывая диадему,
Шептала она: «Я тебя никому не отдам...».
Кружилась листва, развивая осеннюю тему...
Проснувшись под утро, встречая туманный рассвет,
Лохматая осень дождю улыбнулась игриво...
А он, взяв гитару, запел новой песни куплет...
Я видела осень ... На улице было дождливо ...*

– Как-то грустно, не похоже на сегодняшний день. Но стихи прекрасные, и ты молодец, на память – это хорошо.

– Какие уж вспомнила. А ты восторженные стихи не написал о возвращении на родину?

– Пока восторгаться нечем, да и родину я пока видел только с асфальтовой дороги. Чтобы почувствовать себя на родине, мне надо в степь, и не сейчас, это время не для созерцаний, а вот весной – это да! Вот тогда и слава, и рифма появятся. Весной просыпается степь, каждая травинка, всякий цветочек хочет первым показаться на свет Божий и украсить своё место рождения, а все вместе украшают степь-матушку. А когда буйно зацветут на горе лохмачи, желтые, розовые, красные или даже с синевой – о, это буйство красок так возбуждает воображение, так настраивает на радость жизни, и кажется, что эта красота вечна, и жизнь вечна, и радость в жизни нескончаема. А вот про осень я припас строчки для тебя:

ЭТУ ОСЕНЬ Я ДАЮ ТЕБЕ!

*Жёлтый лист, упавший на дорожки,
Гриб, который в высохшей траве
Гордо подбоченился на ножке.
Стаи птиц летят за облака.
Песню их, тоскливую немного,
Отражает каждая строка.
Подарю калины красной кисть
И багрянец клёнов, тихий шёпот,
Октябрины синий аметист.
Яблоко вкус, налитый сладким соком.
Всё, что мило сердцу, заberi,
Всё, что в сердце: радость, нежность, ласку.
Я давным-давно ношу в груди
Для тебя придуманную сказку...*

– Ох, и лирик ты, Катков, – и поцеловала меня так, как только она одна умеет.

В конце декабря Маша пришла ко мне на работу и сообщила радостную новость. Председатель сельского Совета Таисия Степановна Пузикова пригласила её на работу в должности секретаря исполкома, на время декретного отпуска штатного сотрудника. Маша принесла письмо от Лены с фотографией.

– И то слава Богу, хотя бы год, но поработаешь. Всё не дояркой. А что надо по юридической части, я тебе помогу. Мы же в одном здании, ты на первом, я на втором этаже, да и мне веселее будет, ты же рядом.



Рассматривая фото, Маша обратила внимание, что наша девочка повзрослела. Или наряд её так изменил.

– Время, время, Машенька, людей меняет.

С восьмого января 1986 года Маша приступила к работе, а точнее сказать, начала процесс вхождения в профессию. Спасибо сотрудникам сельского Совета Любови Павловне Толстиковой и Вере Александровне Цибуленко, которые оказывали Машеньке всевозможную помощь. Так, своими стараниями и с посторонней помощью, она прекрасно разобралась в новой для нее сфере.

За несколько дней до нового года пришёл к нам Николай Денисов, спросил:

– Ты готов к встрече великого народного праздника ДРАБАДАН?

– Это что за праздник такой?

– А ты что, не знаешь? Он празднуется с 31 декабря по 9 января, его покровителями являются ... Святой Цитрамон, Марфа Рассольница и Иван Рукотряс.

– Вот окаянный, такое придумал.

Тяжелы зимы в моей родной станице, да и поздняя осень похожа на зиму. Ветры – самая беспокойная часть погоды. Если ветер с горы, то до центра несёт – не остановиться, зато в обратном направлении – шаг вперёд и два назад. Когда есть снег, метель неделями не прекращается.

*Метель, метель... Метёт и ночь, и день,
И не унять её, не переспорить.
В вуаль зимы ныряю, словно тень,
Молчу, не смея сказке прекословить.*

Новогодние праздники, как мне кажется, были самые скучные за мою жизнь. Даже телевизор – и тот работал отвратительно.

Как-то сидели в ожидании вечернего КВНа, когда вошел Николай Степанович Марков с листком бумаги. Кто-то из зала попросил:

– Николай Степанович, хоть ты зачитай что-то приятное.

– Так я для этого и пришёл. Какое у нас сегодня число?

– Двенадцатое.

– А какой праздник приближается? Не надо... – он поднял руку, – не надо говорить, я вам сейчас напомним.

– На трибуну поднимись, Николай Степанович.

– Зачем? Я вижу вас, вы меня. Туда, – и он указал на трибуну, – поднимаются мелкие люди, которые боятся, что их не увидят и, не дай Бог, не услышат. Вы меня видите и, надеюсь, услышите, я громко читать буду. Так вот о празднике:

*– Вот и кончились гулянки,
Кутерьма, загул и пьянки...
Больше нету недосыпа...
Больше морда не разбита.
Кожуры нет на ушах.
Руки, ноги не в бинтах.
Чистота, порядок в доме,
Нет бутылок на балконе.
Нет в салатах фейерверков,
Вновь прикручены все дверки.
Нет на люстре колбасы,
Не разбросаны трусы...
Даже кот после веселья
Перестал болеть с похмелья.
Чёрт ... Забыли... Снова в пот...
Скоро ж СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД!!!*

– Вспомнили?

В это время вошёл парторг и обратился к Маркову:

– Николай Степанович, прошу на трибуну, что же вы.

– Спасибо, Геннадий Николаевич, но я уже сказал, кому там место.

Зал просто лёг от смеха и наградил Николая Степановича заслуженными аплодисментами.

Работа в коллективе меня не радовала. Я, привыкший работать на производстве, в совхозе открывал для себя всё больше странностей, а иногда и просто глупостей. Вот была у директора такая привычка: пять вечеров в неделю собирать весь управленческий аппарат. Называлось это, «планёрка» и длилась она два часа. Я назвал её КВН и это прижилось. Раз в неделю – занятия по экономическим вопросам. Итак, рабочий день заканчивается в семнадцать часов, час перерыва – и в восемнадцать начинается эта болтовня ни о чём, как говорится, «переливают из пустого в порожнее». Чего я только там не услышал! Здесь решались не только производственные вопросы, но переходили на личности, залезали в личную жизнь работников. Было всё: и слёзы, и юмор, и беспредел. Меня иногда посещала мысль: «Как жаль, что в магазине не продают мозги. Так хочется кое-кому сделать подарок. И прежде всего автору этих посиделок».

Директор, например, говорил зоотехнику второго отделения Владимиру:

– Учись работать у зоотехника первого отделения!

Тот отвечал, намекая на разговоры о том, что директор и зоотехник первого отделения «дружат организмами»:

– Чтобы мне так хорошо работать, мне надо делать операцию.

Я стал отказываться посещать эти «уважаемые» собрания. Директор устроил скандал:

– Ты что, лучше всех?

Смешно. Значит, на собрания ходят не лучшие?

Говорю, что собрания или планёрки моего профиля работы не касаются. Так зачем я здесь? С тех пор он начал меня поднимать по поводу и без повода: «Юрист, скажи, что он не прав» или «Юрист как будет правильно?». Если я отвечал не так, как он хотел, он просто похамски заявлял: «Садись, ни черта не знаешь!»

Всё это оскорбляло меня, и было обидно, что приходится работать в незнакомой мне среде. Я давно отвык от сельского хозяйства, а здесь всё не так, как на производстве. Здесь производственные отношения совсем другие, да и личные тоже. Окружение влияет на то, каким станет человек. Помню, в институте, изучая предмет «Судебная медицина», столкнулся с понятием «норма реакции». Очевидно, что кому-то предопределено быть стройнее, кому-то полнее. Но даже и в пределах понятия о полноте можно быть полненьким симпатягой, а можно – обрюзгшим и распустившимся до уродства. При одной и той же генетике. Это и называется нормой реакции. Даже если человек звёзд с неба не хватает, у него есть некий запас этой самой нормы реакции. В одном окружении он станет развитым (пусть даже относительно), а в другой – примитивным.

Окружение влияет на многое, если не на всё. Мы превращаемся в тех, кто рядом с нами, и гораздо реже превращаем окружающих в себя. Обстоятельства заставляли меня мириться. Думал, дети закончат учиться, и я уйду из совхоза.

Ибо в таком окружении я точно стану примитивным.

Как-то встретил в коридоре директора. Поздоровавшись, он задержал мою руку.

– Анатолий Иванович, это правда, что ты стишки пишешь?

– Это кто вам такую ложную информацию сбросил?

– Нет, это информация от моего человека. Я верю ему.

– Хорошо. Если это так, тогда...

– Тогда, – не дал договорить мне директор, – тогда тебе и карты в руки. Завтра на вечернем совещании надо поздравить наших женщин с праздником 8 марта. Подготовь соответствующие стихи.

Круто повернулся и ушёл, считая разговор оконченным. Мне было не по себе. Ведь это не мой профиль работы, а как бы общественное поручение, но сказано было в приказной форме.

Пошёл я в школьную библиотеку подобрать подходящие строчки, по пути встретил Владимира Одинченко.

– Ты что это, Анатолий, уже директором школы работаешь? Рассказал я ему о своей проблеме. Он так радостно улыбнулся, хотя улыбка с его лица никогда и не пропадала:

– Я тебе подарю такой стишок...

*Мужик на кухне с тихим матом
Режет яйца для салата.
Из духовки дым валит,
Кот голодный зло глядит.
Жена в постели кофе пьёт,
Киркоров песни ей поёт.
Уже с утра слегка поддата.
Кто угадает, что за дата?!*

– Спасибо, Володя, рассмешил.

На предпраздничном совещании директор обратился к женщинам с коротким поздравлением.

– Пусть каждый день будет как 8 марта: комплименты, восторги, подарки, цветы и любовь!

Я прочёл стихи из школьной библиотеки.

*Прекрасный день 8 марта,
Когда сверкает всё кругом,
И разрешите Вас поздравить
С Международным женским днём!
Здоровья, счастья пожелать Вам,
Чтоб не старели никогда,
Чтобы всегда Вы процветали
Во имя счастья и добра!*

Женщины поблагодарили мужскую часть коллектива и посетовали, что 23 февраля, мужской праздник, уже прошёл. Нина Степановна – бухгалтер первого отделения, женщина с юмором, сказала:

– Женский праздник кто-то точно определил на 8 число, это, если присмотреться, очень даже эротично. А вот мужской день, 23 число, – никаких чувств у женщин не вызывает.

Вот если бы он был 1 числа, тогда да.

Из зала донеслось:

– Если следовать этой аналогии, тогда лучше 11.

Смех стоял в зале, как на концерте Задорнова.

Отмечали праздник мы с Машей очень скромно. Думали пойти в центр к маме, но перед этим был тёплый день, который так разморозил землю, что грязи оказалось выше щиколотки. Остались дома. За столом зашёл разговор о работе. Спрашиваю:

– Как тебе нравится новая работа.

– Нравится, не нравится, а работать надо. Да, спасибо Таисии Степановне, хоть несколько месяцев поработаю.

– А люди как?

– Люди? Издали все люди неплохие.

В этом году Пасха была тёплая, пришлась на четвёртое мая. Предложил маме прийти к нам готовить куличи, яйца красить. Отказалась.

– Не обижайся, сынок, – сказала она, – если я не сама готовлю, то чувствую себя неловко. Да к тому же для меня эти хлопоты приятны и навевают воспоминания о чем-то очень далёком и очень хорошем.



На кладбище. У брата пополнение

Девятнадцатого мая получаем телеграмму с Украины, от Нины, сестры Маши: «Срочно приезжай отец при смерти. Нина». Вот это горе. Отец – такой трудяга, такой оптимист, с огромным чувством юмора – и вот... Успокаиваю Машеньку, как могу. Но надо думать, как ей быстрее добраться. Поездом – это почти двое суток, может и не успеть. Решили, что надо лететь самолётом до Симферополя, а там автобусом. Автобусов ходит много: Симферополь – Херсон, Одесса, Николаев. На любом можно уехать до Софиевки, почти к дому Нины, где живут и родители.

Проводил свою любимую, и так стало на душе паршиво, как будто навсегда. И недели не прошло, вернулась моя жёнушка. Застала отца живым, а через сутки, двадцать первого мая, он умер.

Вот и первое лето после моего возвращения в родную станицу. Вышел на гору, побродил по Азарчеву яру, где когда-то влюбился в Аню Петрищеву. Всё цветёт, вроде всё, как и тогда, но нет той радости, нет того душевного, высокого полёта. Да и станица с высоты не кажется уже такой завораживающей, как раньше. Присел я на камень и стал разбираться, что же происходит во мне, почему нет того, что я так берёг внутри себя. Я ждал весны, ждал этой встречи со степью-матушкой, степью-кормилицей, и что же?

– Эй, мечтатель!

Это Маша. Как она нашла меня, непонятно.

– Ты, я вижу, удивлён. Вчера мы говорили с тобой, что надо сходить на гору за лахмачами. Сейчас корову подоила на пруду, иду, смотрю – ты почти до фермы доходишь, я молоко поставила и через Гридасов проулок поднялась на гору.

Моя любимая, она уже знает улочки-переулки.

– Садись, мать, размышлять будем.

– О чём?

– Понимаешь, вот это – то самое место, которое меня всегда при воспоминании о станице приводило в душевный трепет. И вот настало нужное время, весна – лето, пришёл, а здесь, внутри меня, даже ничего не шевельнулось. Не подскажешь почему? Помню, ты говорила, что знаешь меня до последней мысли.

– Ну, коль веришь, да ещё и просишь, давай поразмышляем. Ты всё время усиленно ищешь денежные средства. Ищешь, где заработать, на чём можно сделать деньги. Так?

– Так.

– Вот тебе и отгадка твоего настроения. Детям вместо обещанных 50 рублей стали высылать по 30. Лена не жалуется, потому что она ещё работает лаборанткой, ей что-то доплачивают, а вот Серёжа...

– Ты наступила прямо на большую мозоль!

– Она есть не только у тебя. Так что давай сменим тему. Давай просто посидим, полюбуемся, ты стихи мне сочинишь...

– Нет, девочка моя, коль мысли мной овладели, дай мне разобраться в них. Пойди пособирай лохмачи, а я тут порешаю свои ребусы.

Маша ушла, а я вернулся к своим «баранам». С чего начать и чем закончить? Возле дома примерно 50-60 соток целины, если её распахать да засеять вениками, то есть просом, то на осень и корм птице будет, и повязать можно веники на продажу. Какие-никакие, но деньги. Можно было бы в совхозе взять поросят или телят на дорастивание, но нет помещений. Нужно договариваться с кем-то из трактористов, чтобы вспахать целину. Надо попробовать поговорить с кем-то из чабанов – может, где-то пристрою телят или ягнят. Тогда можно брать, а дома держать нет возможности.

На сегодня можно считать, что я определился. Теперь где это моё солнышко, где эта жизнь моя? Идёт ко мне Машенька с целой охапкой лохмачей. Смеётся.



Поляна лохмачей (горицвет)

– Катков, сфотографируй меня или нарисуй. Так хочется запечатлеть эту красоту.

– Нравится?

– Очень! Вообще я считаю, весна – это когда вот так смотришь, и кажется, что весь мир в цветах. Чудо, данное нам Богом – почувствовать и увидеть рай ещё при жизни. Если послать моим на херсонщину, не поверят. У нас не такая богатая цветами степь. Зато на урожай наша степь щедрее. У нас зерновые дают от 40 до 70 центнеров с гектара, а ваша красавица – только 20-30.

– Пойдём, Машенька, домой, у меня план созрел, надо замерять огород.

– А стихи мне написал?

– Машенька, девочка моя, не до стихов мне сегодня. Видишь, проза жизни задавила.

– На твою прозу жизни есть прекрасные строчки:

*«Всё будет хорошо!» – волшебные слова...
Как будто дождь прошёл и вновь блестит листва.
Всё будет хорошо! Ты только в это верь!
Ведь счастье, что ушло, опять стучится в дверь!
Всё будет хорошо! Прости и не грусти!
Обиды – это зло, их тяжело нести...
Всё будет хорошо! Растает в сердце лёд,
И на земле большой тебя любовь найдёт!
Всё будет хорошо! Все к радости пути.
Старайся всей душой не плакать, а цвести!
В окошко посмотри: то снег, то дождь пошёл...
Прекрасен этот мир! Всё будет хорошо!*

– Умничка, моя девочка! А любовь давно уж меня нашла – в твоём лице. Пойдём.

– Нет, дорогой, никуда мы не пойдём, пока настроение у тебя не улучшится. Вот теперь ты расскажи мне, почему степь радует мои глаза, а вот тут, – указывает на голову и грудь, – ничего нет?

– Я думаю, что душа и память хранят ту скромную красоту степи, в которой ты выросла, и не пускают глубоко вот эту красоту. Поживём годика два-три, привыкнешь к нашей степи и так же будешь радоваться.

Маша положила цветы, легла на цветастый ковёр степи, раскинула руки, вроде желая обнять синее весеннее небо, волосы разметались по траве. Я сорвал травинку и пощекотал ею кончик Машиного носа, она быстро села и стала усиленно тереть носик кулачками. Так смешно, как маленькие дети делают.

– Ну, Катков, берегись.

Мы стали дурачиться. Говорили друг другу комплименты и сами же над ними смеялись. Вспомнили Крым, Верхний Кока-сан, где мы вот так же лежали на поляне ромашек, так же шутили, смеялись и целовались. А она прятала от меня то щёчку, то губы в траву и не давала себя целовать. Мы дружно смеялись, когда я успевал поймать и поцеловать её. Я очень люблю целовать жёнушку. У неё такой запах дыхания, тела, что меня притягивает, радует, возбуждает.

– Ну что, будешь сочинять стихи?

– Машенька, сегодня не получится, можно, я прочту чужие?

– Если красивые, да про нас с тобой... нет, лучше про меня. Тогда рассказывай.

– Конечно, про тебя, любимая, про тебя!

*Дорогая, нежная, милая!
Я не в силах тебя позабыть...
Дрожь по телу, улыбку красивую*

*Никогда мне не разлюбить.
Милый образ в сердце навечно!
Нежность голоса, рук и очей...
Шёлк волос, что стекает на плечи,
С переливом, как чистый ручей...
Ты подобна хрустальной розе!
Я так нежно ещё не любил...
Наши сладкие летние грёзы
В своей памяти сохранил,
Где ночами с тобой пропадали,
Любовались яркой луной...
В губы жаркие как целовались
И сгорали с алой зарёй...
Как смотрели в счастливые лица!
Я без умолку всё говорил...
Ты молчала, дрожали ресницы,
Словно что-то в тебе разбудил.
Я хочу подарить тебе вечность
И любовь всю до капли отдать!
Как поэт, про свою сердечность
До утра стихами читать...*

– Красиво! Спасибо тебе, любимый! Я очень люблю стихи в твоём исполнении. Ты читаешь их так душевно, с такой силой, выражением, просто ясно, что ты проживаешь эти стихи. Я люблю тебя, Катков! А вот о родине, о малой родине, тебе придётся написать. Я от этого не отступлюсь.

– Ну, если угрожаешь, тогда я прочту о малой родине, но опять-таки о чужой.

*Для души и для глаз наступает однажды прозрение...
Убежать бы, уехать бы прочь из бетонной жары,
Отмести все дела и проблемы, по сути-то бранные,
Оставляя глядящие ввысь городские шатры.
И в уютном вагоне, где явится память попутчицей,
Наблюдая в окно за гурьбой белоногих берёз,
Ты внезапно, возможно, почувствуешь, если получится,
Возрождение души, осознавшей ошибки всерьёз.
Осознавшей, познавшей, принявшей утраты, лишения,
Всю ничтожность и глупость постылой пустой беготни,
Вновь увидеть края ... Там, где лохмачи, ростки длинношнее,
Тянут головы к солнцу и небу, куда ни взгляни.
Где легко, незатейливо кружит и кружит капустаница,
С накренившихся веток сирени вспорхнув на траву,
А потом так близко, у ног, в незабудки опустится –
Если есть где-то рай, то вот здесь, пред тобой, наяву!
Как порою бываем мы скоры в неверных решениях
И теряем всё то, без чего нет возможности жить,
До немыслимой тяги в груди, до подкожного жжения,
Чтобы переболеть и к истокам шаги совершить.
Но, сойдя на улицы здесь, в этой затерянной в мире станции,*

*В безрассудстве и немощи долго себя не вини.
Пусть назад не вернуться, пусть прошлое прошлым останется, –
У прозревшей души есть надежда на лучшие дни ...*

– У этого стихотворения – глубокий философский подтекст. Не сразу понять можно. Но насчёт станицы ... это ты придумал?

– Да, любимая, я, и про лохмачи тоже.

– Что это тебя заставило так задуматься о возвращении в родные края?

– Не знаю, Машенька, не знаю ... но что-то беспокоит меня.

– Всё будет хорошо. Я же с тобой. А вдвоём мы – как экипаж подводной лодки. Мы непотопляемы. Так хочется полежать, помечтать...

– Время нынче такое – весна. Но это и время любви, а... как ты думаешь?

Нацеловались, насмеялись и пошли домой. Спустившись вниз, миновав кошару, мы догнали Фёклу Мульянову, которая жила рядом с кошарой. Её хатёнка стояла, как и моя в детстве, на отшибе. До ближайшего соседа метров 200 – 300. Поздоровавшись, она предложила нам остановиться, поговорить.

– Вы возле Ленки купили маленькую хатенку, – начала она, – да и сарайчик там только на одну коровёнку, и огород на крутом склоне, тоже не распашешь, дождём всё смоем. Я вам хочу предложить свою хату. Она хоть и не намного больше той, но у меня две комнаты и кухня. Двор большой, какой-никакой садик вверху. Мало будет того огорода – вот за хатой целый гектар, и земля ровная, паши и сажай.

– Тётъ Фень, сажать-то уже поздновато – считай, середина мая.

– Пословица даже есть: «Май – в землю пхай, июнь – в землю плюнь». Так что не поздно. Да и сарайчик у меня на три коровы. Вы молодые, разведёте хозяйство, кошара рядом. Можно и соломы, и сена, да и зерна попросить у ребят. Все мы живые люди, им что-то надо, вам что-то надо.

Услышал Господь мою нужду и вот сразу послал мне такое, что меня успокоило. Быстренько, не откладывая в долгий ящик, написали объявление, и скоро нашёлся покупатель на наш дом. Продали за 500 рублей и за 500 рублей купили у Фёклы хату, а корову взяли у неё же на выплату.

В первую очередь я распахал участок, который был за хатой, а это более пятидесяти соток, и засеял просом. За неделю напряжённого труда мы сделали ремонт в доме. В нем было две комнаты, а посередине маленькая кухонька с плитой. Одна комната была настолько низкой, что мне приходилось ходить, пригнувшись. Стали копать пол, углубили его на два штыка – вот теперь порядок. Переложили плитку. Каменок печи сделали в стене в маленькую спальню, которую мы определили для Юры, а чтобы отапливать нашу спальню, я разобрал перегородку между ней и кухней на пару досок от потолка и сделал, как я видел на Урале. Помазали, побелили и к концу мая отпраздновали новоселье.

Питьевой воды не было, нужно было ходить на кошару к роднику. Хозяйка показала нам колодец, который когда-то был действующим, там была хорошая вода. Она им не пользовалась, и он со временем просто зарос. Пришлось нанять товарища детства Николая Денисова, чтобы вычистить колодец. За два дня мы добрались до чистой воды.

В магазине в рассрочку взяли большой ковёр и радиолу, только вместо пластинок был плёночный магнитофон. При покупке спросил у Юры:

– Нравится тебе эта техника?

Он молча пожал плечами. Через какое-то время спрашиваю:

– Юра, ты чего не пользуешься радиолой? Я же для тебя купил.

– А ты у меня спросил?

Как мне кажется, с этого времени сын сильно изменился. А точнее, изменил отношение к нам. Разговора, сколько я ни старался, так и не получилось. Домашнюю работу делал, но надо было заставлять.

Ладно, наладится, главное, что мы устроились. В первом отделении продавали населению бракованных ягнят. Поговорили с Машей и решили, что надо покупать. Денег хватает на сто голов. Предварительно я договорился с чабаном, что всё лето они будут у него. Поехал в первое отделение, меня направили на кошару, которая на «ключике». Это родник, его когда-то освятили и до сего времени называют «святой ключик». На этой кошаре продавали ягнят.

Приехал, а там – Боже, все люди из моего детства. Иван Захарович Блохин, Михаил Семёнович Падальцын, Павел Федяев. Пока Александра Владимировна Куралесова готовила документы и поголовье к продаже, мы сели в беседке и предались воспоминаниям. Только и слышно: «А помнишь...».

Дядька Мишка обратился к Павлу:

– Павел, почитай стихи про наши годы.

– Да как-то неудобно.

– Неудобно штаны через голову надевать.

И Павел разразился стихом:

*Часики стрелками тикают,
Вторник сменяет среда.
И пролетают по-тихому
В задницу наши года.
От понедельника к пятнице,
Жизнь превращая в навоз,
Сереньким шариком катится
Время собаке под хвост.
Длится неделя рабочая,
Нас погружая в дела.
Вроде недавно закончили –
Следом другая пришла.
Тратятся силы последние
Ради добычи бабла.
Ждём выходных с нетерпением,
Смотришь – и старость пришла.
Хочется жить интереснее,
Так надоело пахать.
Плачем: «Скорей бы на пенсию»,
Выйдешь – а там подыхать.*

Вот ну дюже умный человек написал этот стишок. Это не поэт, это работяга написал. Тот, кто сам пашет.

Пришла Александра Владимировна и прервала нашу так прекрасно складывавшуюся беседу.

Выбрал я всего девяносто шесть голов, которые внушали уверенность, что дойдут до места. С помощью дяди, Николая Зимовцова, который на бричке сопровождал это неорганизованное стадо, перегнал ягнят к знакомому чабану. Но у него они будут только до осени, на зиму надо забирать, а куда? Значит, надо строить сарай. Две коровы, ягнята, свиньи, птица – всем места не хватит. Двор большой, почти гектар, но из чего строить? Придумал я сделать

сарай из обыкновенного шифера. Но, чтобы сделать разбивку, нужен специалист-строитель. Поехал к Николаю Буняеву, а у него нога в гипсе.

Обратился на стройдвор к мастеру Куплеватскому, тот мне рассказал, что такое временные сооружения.

– Забей колья, скрепи рейками и прибивай шифер. Какие тебе разбивки? Ты что, фундамент будешь закладывать или перекрывать плитами? Всё получится, ты только начни.

Так я и сделал. А вот с шифером вышла такая проблема – думал, не разрешу. Дело в том, что шиферу столько, сколько мне нужно, продавали только на новое строительство. Значит, мне нужна справка из сельского Совета, что я являюсь застройщиком. С этой справкой – в райпотребсоюз, там поставят на очередь и, когда очередь подойдёт, пришлют открытку.

Справка не проблема, Маша составит, председатель подпишет, но шифер мне нужен сейчас. Поехал я в Изобильный, в райпотребсоюз, на разведку, там меня заставили вступить в члены этой организации. Уплатил взнос 30 копеек – и книжечка на руках. По этой книжке меня поставили в очередь за шифером. Женщина, которая меня консультировала и выписывала членский билет, так положительно реагировала на моё присутствие, что я подумал, а не предложить ли мне ей... Говорю:

– Скажите, а вы баранину любите?

– Да, конечно, – живо откликнулась она. – У меня муж абазинец, так что баранина на нашем столе присутствует.

– Давайте с вами договоримся: я вам хорошую, жирненькую тушку баранины, а вы мне шифер вне очереди.

Женщина мне немного рассказала, чем ей это грозит, но в конце концов согласилась. В течение недели мы провернули эту сделку. Вот и ладненько.

За две недели мы с Николаем Урядиным построили сарай, буквой «П», три метра в ширину и тридцать – в длину. Александра Притчина предложила нам купить у них лошадь с упряжью и бричкой, которая осталась после смерти отца. Купили. Вот теперь можно заниматься хозяйством.

Взял я двадцать поросят на дорастивание – их нужно за год вырастить до убойного веса в сто и более килограммов. Совхоз давал немного корма. Три телка, также на дорастивание. В Изобильном на рынке приобрели сто цыплят. У Гридасовых купили три индюшки и индюка, у Зайцевых – двух гусынь и гусака. Вот теперь мы настоящие станичники. Мимо дома протекал небольшой ручей, я его перенаправил бульдозером и сделал во дворе маленький прудик. Получился прекрасный водосборник для животных.

В это время приехали на каникулы наши детки. Мои любимые, как же я соскучился. Так надолго мы никогда не расставались.

Как-то в выходной к нам зашла тётка Нинка Гридасова.

– Зашла посмотреть, как устроились новые соседи.

– Да какие мы новые, тётя Нина.

– Нет, не скажите.

Осмотревшись, спросила:

– Маша, ты христианка?

– Да.

– А почему же не обустраиваешь жильё согласно христианским обычаям и церковным законам?

– Тётъ Нин, так кто же их знает. Вот вы пожилой человек, научите нас, пожалуйста.

– Если есть желание и время, чего ж не рассказать. Дом или изба – это своё, противостоящее чужому. Человек обустраивает жилище, уподобляя его мироустройству, поэтому каждый угол, каждая деталь наполнены смыслом, демонстрируют взаимоотношения человека с окружающим миром.

В русской избе есть семь особенных мест: 1. Двери. Вот мы вошли в избу, переступили порог. Что может быть проще? Но для крестьянина дверь – не просто вход и выход из дома, это способ преодоления границы между внутренним и внешним мирами. Здесь таится угроза, опасность, ведь именно через дверь могут проникнуть в дом и злой человек, и нечисть. «Маленький, пузатенький, весь дом бережёт», «Не лает, не кусает, а в дом не пускает» – замок должен уберечь от недоброжелателя. Однако, помимо затворов, засовов, замков, выработана система символических способов, защищающих жилище от «нечистой силы»: кресты, крапива, обломок косы, нож или четверговая свеча, воткнутые в щели порога или косяка. При приближении к дверям надо читать краткую молитву: «Без бога – не до порога», перед дальней дорогой существует обычай присаживаться, путнику запрещается переговариваться через порог и смотреть по углам. И ещё, гостя нужно встречать за порогом и пускать вперёд себя.

2. Печь. Что мы видим перед собой при входе в избу? Печь, которая служит одновременно и источником тепла, и местом приготовления пищи, и местом для сна, используется при лечении от самых разных заболеваний. В некоторых областях в печи мылись и парились. Основная функция печи – приготовление пищи – осмысливается не только как хозяйственная, но и как сакральная: сырое, неосвоенное, нечистое превращается в варёное, освоенное, чистое.

3. Красный угол. В русской избе всегда по диагонали от печи располагался красный угол, где можно видеть иконы, библию, молитвенные книги, изображения предков, то есть то, чему придаётся высшая культурная ценность. Красный угол – священное место в доме, что подчеркивается его названием: красный – красивый, торжественный, праздничный. Вся жизнь ориентирована на красный (старший, почётный, Божий) угол. Здесь трапезничают, молятся, благословляют, к красному углу обращены изголовья постели. Здесь совершается большинство обрядов, связанных с рождением, свадьбой, похоронами.

4. Стол. Неотъемлемая часть красного угла – стол. Уставленный яствами стол – символ изобилия, процветания, полноты, устойчивости. Здесь сконцентрирована и будничная, и праздничная жизнь человека. Сюда сажают гостя, сюда кладут хлеб, святую воду. Стол уподобляется святыне, алтарю, что накладывает отпечаток на поведение человека за столом и вообще в красном углу. «Хлеб на стол, так стол – престол, а хлеба ни куска – так и стол доска». «Не стучать по столу, стол – Божья ладонь». В различных обрядах особое значение придаётся передвижениям стола: во время трудных родов стол выдвигали на середину избы, в случае пожара из соседней избы выносили стол, покрытый скатертью, и обходили с ним кругом загоревшиеся строения.

5. Лавки. Вдоль стола, вдоль стен – лавки. Для мужчин – длинные «мужские» лавки. Для женщин и детей – лицевые, расположенные под окном. Лавки соединяли «центры» (печной угол, красный угол) и «периферию» дома. В некоторых обрядах они олицетворяли путь, дорогу. Когда девочке, ранее считавшейся ребёнком и носившей одну нижнюю рубаху, исполнилось 14 лет, родители заставляли её пройти по лавке взад и вперёд, после чего, перекрестившись, девушка должна была спрыгнуть с лавки в новый сарафан, сшитый специально для этого случая. С этого момента начинался девический возраст, и девушке разрешалось ходить на хороводы и считаться невестой. А вот так называемая «нищая» лавка располагалась у двери. Она получила такое название, потому что на неё мог садиться нищий и любой, кто вошёл в избу без разрешения хозяев.

6. Матица. Если станем посередине избы и посмотрим вверх, увидим брус, служащий основанием для потолка, – матицу. Считается, что матка является опорой верха жилища, поэтому процесс укладки матицы – один из ключевых моментов строительства дома, сопровождаемый осыпанием хлебных зёрен и хмеля, молитвой, угощением плотников. Матице приписывается роль символической границы между внутренней частью избы и внешней, связанной с входом и выходом. Гость, придя в дом, садился на лавку и не мог заходить за матицу без приглашения хозяев. Отправляясь в путь, следовало подержаться за матицу, чтобы дорога

была счастливой. А чтобы уберечь избу от клопов, тараканов и блох, под матицу подтыкали найденный зуб от бороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.